

НОВЫЙ АВТОГРАФЪ ПУШКИНА

ЕВГЕНІЙ
ОНЪГИНЪ.

ПАРИЖЪ.

1937.

ЭКЗЕМПЛЯРЪ № 93

Copyright by S. Lifar, Paris. Mai 1937

Отпечатано въ количествѣ 100 нумерованныхъ экземпляровъ на бумагѣ „Madagascar” въ типографіи „Coopérative Étoile”, 18-20, Faub. du Temple, Paris

М. Л. ГОФМАНЪ

НОВЫЙ АВТОГРАФЪ ПУШКИНА

**ЕВГЕНІЙ
ОНЪГИНЪ.**

ПАРИЖЪ.

1937.

због нов, како би се утврдило

лимитирајући подацима, ^{Опш.}
~~јачавајући~~ ^{нај. твр.}

Увек се обављају изјављивања

у сврху изражавања ставова о овим

стварама. У овом случају била је

утицајна јавна изјава

у изјави јавних органа.

Најзначајније изјављивања

у овом случају изјављивања

у сврху изражавања ставова о овим

стварама. У овом случају била је

утицајна јавна изјава

у изјави јавних органа.

Најзначајније изјављивања

Пушкинскій юбилейный годъ обрадовалъ насъ неожиданной новинкой: передъ самымъ закрытіемъ парижской выставки «Пушкинъ и его эпоха» С. М. Лифаремъ было получено извѣстіе, что въ Выборгѣ, у госпожи О. Купровичъ, находится неизвѣстный до сихъ поръ автографъ Пушкина — двухъ строфъ шестой главы «Евгенія Онѣгина». Самый автографъ пришелъ въ Парижъ уже послѣ закрытія выставки, и кромѣ двухъ человекъ его никто не видѣлъ.

Трудно переоцѣнить эту драгоценную находку ~~дѣни~~ подобныя находки вообще большая рѣдкость, всегда неожиданная радость, всегда неожиданный, незаслуженный праздникъ. Мы дорожимъ каждымъ клочкомъ бумаги, на которомъ Пушкинъ написалъ нѣсколько словъ, его автографомъ-реликвіей. Но въ данномъ случаѣ значеніе новаго автографа выходитъ далеко за предѣлы реликвіи: помимо того, что онъ **устанавливаетъ единственное вѣрное чтеніе XXXVI** строфы шестой главы такого значительнѣйшаго произведенія, какъ «Евгеній Онѣгинъ»; помимо того, что онъ даетъ нѣсколько новыхъ стиховъ-вариантовъ къ XXXVI и XXXVII строфамъ шестой главы и говоритъ о творческихъ колебаніяхъ Пушкина, о его творческомъ процесѣ, этотъ автографъ расширяетъ наши весьма скудныя знанія о томъ, какъ создавалась шестая глава «Евгенія Онѣгина».

Въ юбилейномъ изданіи «Евгенія Онѣгина» я писалъ: «Не многое знаемъ мы о созданіи шестой главы, т. к. отъ нея дошли до насъ черновики только трехъ строфъ. Изъ того, что она была окончена въ Михайловскомъ 10 августа 1826 года¹⁾», приходится признать, что шестая глава

¹⁾ Иначе говоря, съ 4 января по 10 августа 1826

создавалась и легко, и скоро». Теперь мы знаем нѣсколько больше о созданіи шестой главы, и то, что узнали, повидимому, подтверждаетъ наше предположеніе о томъ, что «шестая глава создавалась и легко, и скоро».

Не ограничиваясь точнымъ воспроизведеніемъ автографа — на плохо сохранившейся (съ пятнами и мѣстами надорванной и разорванной) восьмушкѣ обыкновенной, безъ водяныхъ знаковъ и плохого качества бумагѣ (восьмушка эта имѣетъ форматъ 20,5 × 13,5 см.), повидимому, вырванной изъ тетради, — даемъ точную транскрипцію двухъ строфъ въ томъ видѣ, какъ онѣ были первоначально написаны, отмѣчая курсивомъ неизвѣстные до сихъ поръ варианты и заключая въ прямыя скобки зачеркнутыя слова и въ круглыя недостающія слова и буквы (какъ мы уже сказали, автографъ разорванъ и въ немъ недостаетъ большого куска):

(Др)узья мои, Вамъ жаль по
эта?
во цвѣтѣ радостныхъ
[(Ч)уть изъ младенческихъ одеждъ]
надеждъ
Ихъ несвершивъ еще для свѣта [!]
Чуть изъ младенческихъ одеждъ
Увяль! гдѣ жаркое волненье
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ и мыслей молодыхъ,
Надменныхъ, нѣжныхъ, удалыхъ
бурные любви
Гдѣ [безпорочные]¹⁾ желанья

года въ Михайловскомъ были написаны полностью двѣ главы — пятая и шестая.

¹⁾ Разобрано предположительно (слово зачеркнуто такъ, что измѣняетъ характеръ его первоначальнаго начертанія).

Гдѣ жажда знаній и труда
Гдѣ страхъ порока и стыда
И вы завѣтные мечтанья
Вы признакъ жизни незем(ной²),
Души поэзіи Святой?

На оборотѣ:

Быть можетъ онъ для б(лага міра)
[И для безсмертья] Иль хотъ (для славы)
[Для вѣчной славы] былъ рож(день)
умолкнувшая

Его [перо иль мечь иль] лир(а)
Священный, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта
быть можетъ на ступеняхъ свѣта
ступень

Ждала высокая [чреда]
Его обманутая тѣнь
Быть можетъ унесла съ собою
Святую тайну — и для насъ
Умолкъ животворящій гласъ
И за могильною чертою
Онъ не услышитъ гим(н)ъ²) времянь
Благословенія племень

Въ другой приѣмъ (т. е. въ болѣе позднее время) исправлены 10-11 и 14 стихи XXXVI-ой строфы и 4-ый и 8-ой стихи XXXVII-ой строфы:

И
[Гдѣ] жажда знаній и труда
И
[Гдѣ] страхъ порока и стыда
Вы сны
[Души] поэзіи Святой?
Гремучій
[Священный], непрерывный звонъ
страдальческая
Его [обманутая] тѣнь

²) Не дописано.

Такимъ образомъ отъ печатнаго текста окончательная редакція нашего автографа отличается только въ восьмомъ стихѣ XXXVI-ой строфы и въ 11 и 13 стихахъ XXXVII-ой.

Что представляетъ публикуемый впервые автографъ «Евгенія Онѣгина» — первоначальный черновикъ или авторскій бѣловой списокъ? — Первое, и особенно внѣшнее, впечатлѣніе какъ будто несомнѣнно говоритъ о томъ, что передъ нами бѣловая рукопись: объ этомъ свидѣтельству-етъ и незначительное количество вариантовъ въ окончательномъ ея чтеніи (въ двухъ строфахъ всего три различія), и форматъ бумаги (обычно черновики, и въ частности сохранившіеся черновики трехъ строфъ шестой главы, находятся въ большихъ тетрадяхъ in-4°, форматъ настоящаго автографа напоминаетъ тетради Публичной Библиотеки и Академіи Наукъ, заключающія въ себѣ начисто переписанныя главы «Евгенія Онѣгина»), и «бѣловой» характеръ почерка (такъ, многія черновыя строфы пятой главы, набросанныя почти безъ помарокъ, написаны другимъ, «черновымъ» почеркомъ — размашистымъ, быстрымъ, съ неравными промежутками между строками) и одинаковые промежутки между стихами и образуемая прямая вертикальная линія началами стиховъ (явленіе, почти не встрѣчающееся въ черновыхъ рукописяхъ).... Тѣмъ не менѣе, можно почти категорически утверждать, что нашъ автографъ (по существу бѣловой) — черновикъ, и въ такомъ случаѣ мы имѣемъ лишнее подтвержденіе нашего предположенія, что шестая глава создавалась «легко и скоро».

Въ бѣловой рукописи Пушкинъ обычно дѣлалъ сводку черновика безъ помарокъ и затѣмъ уже подвергалъ ее обработкѣ (вслѣдствіе этого часто первая бѣловая рукопись въ концѣ кон-

цовъ пріобрѣтала черновой видъ и требовала новой переписки), — этого явленія мы не обнаруживаемъ въ нашей рукописи. Написавъ второй стихъ XXXVI-ой строфы

Чуть изъ младенческихъ одеждъ,
Пушкинъ тотчасъ же, до написанія слѣдующаго стиха — Ихъ не свершивъ еще для свѣта — исправилъ на стихъ: Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ (послѣ стиха «Чуть изъ младенческихъ одеждъ» Пушкинъ не могъ бы продолжать — Ихъ не свершивъ еще для свѣта). На это можно возразить, что поэтъ просто ошибся при перепискѣ, вмѣсто второго стиха переписалъ четвертый, тотчасъ же спохватился и сейчасъ же исправилъ свою ошибку. Допуская эту ошибку, мы съ бѣльшимъ трудомъ (чтобы не выразиться болѣе категорично) можемъ допустить другую «ошибку» — въ седьмомъ стихѣ XXXVII-ой строфы: написавъ стихъ «Ждала высокая **чреда**», предполагавшій сосѣдній, восьмой, стихъ съ той же рифмой, Пушкинъ тотчасъ же исправилъ его на стихъ «Ждала высокая **ступень**» и непосредственно послѣ этого продолжалъ: «Его обманутая тѣнь» — и такимъ образомъ **чреда** ни въ какой моментъ не имѣла себѣ рифмы, что свидѣтельствуется о написаніи, а не о перепискѣ строфы (было бы большой натяжкой предполагать, что въ черновикѣ было два варианта съ рифмами на «ступень» и на «чреда», и что поэтъ колебался въ выборѣ того или иного варианта). Рѣшающимъ обстоятельствомъ является отсутствіе въ нашей рукописи нумераціи строфъ: нумерація строфъ всегда, безъ всякихъ исключеній, отсутствуетъ въ черновикахъ «Евгенія Онѣгина» и точно такъ же всегда, безъ всякихъ исключеній, проставляется въ бѣловыхъ рукописяхъ романа.¹⁾

¹⁾ Пушкинъ переписывалъ изъ черновиковъ строфы,

Мы подробно остановились на этомъ вопросѣ въ виду его чрезвычайной важности: отъ того или иного рѣшенія вопроса зависитъ заключеніе о большей или меньшей легкости творческаго процесса, и наше рѣшеніе опредѣленно говоритъ о легкости, съ какой дались поэту эти центральныя строфы шестой главы. Отмѣтимъ по пути значеніе бумаги, на которой написаны эти двѣ строфы: изъ того, что онѣ записаны не въ 2368 тетради Румянцевскаго Музея (въ которой находятся черновики послѣднихъ строфъ), приходится заключать, что шестая глава писалась въ нѣсколько пріемовъ, съ бѣльшими или меньшими перерывами.

Новый автографъ Пушкина представляетъ большой интересъ своими разночтеніями и свидѣтельствуемъ о необыкновенномъ чувствѣ совершенства у Пушкина: такъ, исправивъ слово «Души» (Души поэзіи Святой) на «Вы, сны» поэзіи святой, поэтъ добился гораздо бѣльшей выразительности; неизмѣримо совершеннѣе, вѣрнѣе такъ же и такія исправленія, какъ «страдальческая тѣнь» (вмѣсто «обманутая»), «гремучій» (вмѣсто «священный») непрерывный звонъ и проч. Особенно заботился поэтъ о выдержанности образа Ленскаго: конечно, «высокія» мысли и чувства Ленскаго болѣе пристали къ нему, чѣмъ «надменные», какъ и «его умолкнувшая лира» болѣе подходитъ къ нему, чѣмъ «его перо иль мечъ (?) иль лира»; любопытно отмѣтить также постепенное пониженіе въ оцѣнкѣ таланта Ленскаго: сперва —

Быть можетъ онъ для блага міра

которыя тотчасъ же нумеровалъ (любопытно, что тогда же онъ дѣлалъ перерывъ между строфами, обозначая цифрой пропущенную строфу, хотя бы она и не была написана) и, вставляя или зачеркивая при отдѣлкѣ строфы, мѣнялъ всю нумерацію.

Для вѣчной славы былъ рождень,
потомъ —

Быть можетъ онъ для блага міра
И для безсмертья былъ рождень
И наконецъ:

Быть можетъ онъ для блага міра
Иль хотъ для славы былъ рождень.¹⁾

Особо стоитъ вариантъ (если мы только его вѣрно прочли): «Гдѣ безпорочныя желанья», замѣненный тогда же противоположнымъ образомъ — «Гдѣ бурныя любви желанья». Къ образу мечтателя идеалиста и платониста Ленскаго («Онъ только смѣетъ иногда, Улыбкой Ольги ободренный, Развитымъ локономъ играть Иль край одежды цѣловать»), конечно, гораздо болѣе подходятъ «безпорочныя», чѣмъ «бурныя любви желанья», но вслѣдствіе ли бѣльшей образности второго чтенія (объ этомъ чисто поэтическомъ, чисто художественномъ выборѣ эпитетовъ часто забываютъ пушкинисты, пользующіеся художественными произведеніями Пушкина какъ біографическимъ документомъ!), или вслѣдствіе взаимнаго противорѣчія понятій «безпорочности» и «желаній», но Пушкинъ выбралъ второе чтеніе, казалось бы менѣе соответствующее образу Ленскаго.

Какъ ни важны и ни интересны варианты, какъ ни любопытенъ новый автографъ съ той точки зрѣнія, что онъ даетъ намъ новыя знанія о созданіи шестой главы, все же его главное значеніе заключается въ томъ, что онъ устанавливаетъ безспорное, единственно правильное чтеніе XXXVI-ой строфы. Послѣдніе два стиха этой строфы въ первомъ, отдѣльномъ изданіи шестой главы читались:

¹⁾ Психологически понятно, откуда появилось это «иль хотъ»: если не «для вѣчной славы» и не «для безсмертья», то «хотъ для славы былъ рождень».

Вы, признакъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

Во второмъ изданіи (первомъ полномъ изданіи романа — 1833 года) они были, какъ мы теперь имѣемъ право говорить, искажены опечаткой:

Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

Эта опечатка сохранилась и въ третьемъ, Глазуновскомъ изданіи, вышедшемъ, по преданію, въ день смерти Пушкина (такіе переходы опечатокъ изъ одного изданія въ другое — постоянное явленіе) и во всѣхъ безъ исключенія посмертныхъ изданіяхъ, видѣвшихъ въ разночтеніи перваго изданія опечатку. Сохранена эта опечатка и въ послѣднемъ юбилейномъ изданіи «Евгенія Онѣгина» (С. Лифаря): будучи совершенно увѣренъ (и не разъ высказывавъ увѣренность) въ томъ, что опечатку допустило не первое, а послѣдующія изданія, я не имѣлъ фактическихъ данныхъ для такого утвержденія и потому, сохранивъ въ основномъ текстѣ традиціонное чтеніе, ограничился только слѣдующимъ замѣчаніемъ къ варианту перваго изданія: «Въ этомъ разночтеніи мы, можетъ быть, имѣемъ не опечатку, а единственное вѣрное чтеніе (и въ такомъ случаѣ изданія 1833 и 1837 гг. допустили опечатку): такъ и въ «Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ» Пушкинъ называетъ вдохновеніе не призракомъ, а «признакомъ Бога» («и, признакъ Бога, вдохновенье, для нихъ и чуждо, и смѣшно»).» Теперь, благодаря обнаруженному новому автографу, мы имѣемъ фактическія данныя для такого утвержденія и можемъ настаивать на исправленіи основного текста шестой главы, на возстановленіи **Пушкинскаго** текста — пушкинской мысли.

Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы поставить вопросъ еще объ одномъ, спорномъ по на-

шему мнѣнію мѣстѣ «Евгенія Онѣгина» — не шестой, а третьей главы, XX-ой строфы. Въ рукописи мы читаемъ (такъ какъ авторъ настоящаго очерка не располагаетъ сейчасъ точной транскрипціей черновика, то принужденъ давать чтеніе рукописи въ орѳографіи и пунктуаціи прижизненнаго изданія):

И между тѣмъ луна сіяла
И темнымъ свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы,
И распущенные власы,
И капли слезъ, и на скамейкѣ
Предъ героиней молодой,
Съ платкомъ на головѣ сѣдой,
Старушка въ длинной тѣлогрѣйкѣ....

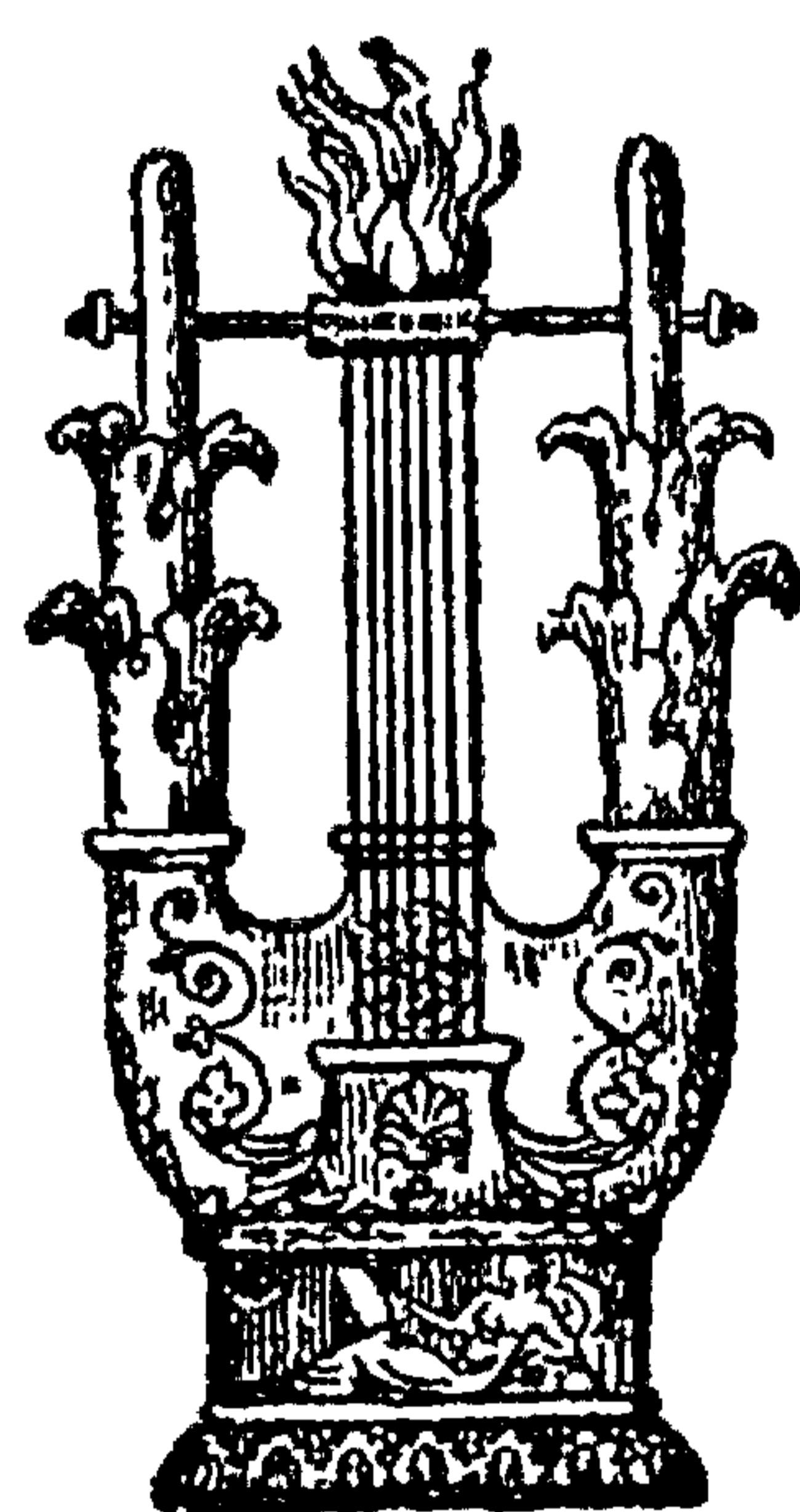
Въ первомъ изданіи (1827 года) «Старушка» была замѣнена винительнымъ падежомъ — «Старушку»; такое же чтеніе мы имѣемъ и во второмъ изданіи (1833 года), но въ третьемъ, послѣднемъ прижизненномъ изданіи мы опять имѣемъ чтеніе рукописи. Всѣ посмертныя изданія возстанавливаютъ чтеніе первыхъ двухъ изданій, видя въ изданіи 1837 года опечатку. Не отрицая возможности опечатки, выскажемъ предположеніе (но только предположеніе), что, можетъ быть, мы имѣемъ дѣло не съ опечаткой, а съ возстановленіемъ Пушкинымъ правильнаго чтенія: нѣтъ ничего невозможнаго, конечно, но весьма мало правдоподобно такое странное совпаденіе, что въ одномъ и томъ же словѣ мы имѣемъ и **описку** автора въ рукописи, и **опечатку** въ послѣднемъ авторскомъ изданіи. Подъ вліяніемъ пунктуаціи (принадлежащей, кстати сказать, не Пушкину, а П. А. Плетневу, слѣдившему за изданіемъ, или типографскому корректору, — пунктуація въ рукописяхъ Пушкина не только не тверда и не устойчива, но и крайне небрежна, и часто отсут-

ствуешь) и современному читателю, и тогдашнему издателю Пушкина должна была быть совершенно очевидной **описка**: намъ невольно кажется, что луна озаряла «Татьяны блѣдныя красы, и распущенные власы, И капли слезъ, и на скамейкѣ.... Старушку въ длинной тѣлогрѣйкѣ». Возможно, что такъ оно и есть и на самомъ дѣлѣ (и тогда приходится констатировать совпаденіе описки и опечатки), но возможно и другое объясненіе, и другое пониманіе картины, рисуемой этой строфой: луна сіяла и озаряла Татьяну, передъ которой на скамейкѣ сидѣла (въ тѣни, не озаренная луной) старушка-няня. При такомъ пониманіи выигрывается не только картинность, но и стихъ становится легче —

И между тѣмъ луна сіяла
И темнымъ свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы,
И распущенные власы,
И капли слезъ, — и на скамейкѣ
Предъ героиней молодой,
Съ платкомъ на головѣ сѣдой
Старушка въ длинной тѣлогрѣйкѣ....

При такомъ толкованіи необходимо допустить, что Пушкинъ замѣтилъ опечатку (повторяемъ, болѣе, чѣмъ понятную — не столько опечатку, сколько издательско-редакторское исправленіе по смыслу, результатъ неточности пунктуаци) и исправилъ ее.

Нисколько не настаивая на правильности нашего предположенія, мы сочли возможнымъ поставить этотъ **вопросъ** о чтеніи двадцатой строфы третьей главы. Вопросъ этотъ можетъ разрѣшаться различно, вопросъ о чтеніи XXXVI-ой строфы шестой главы имѣетъ только одно рѣшеніе.

ИЗДАЛЪ С.ЛИФАРЬ